

АНАСТАСИЯ АНДРИАНОВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Художественное оформление
Марины Козинаки и Веры Голосовой

Андрианова, Анастасия
А65 Манускрипт : роман / Анастасия Андрианова. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2018. — 512 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-108400-4

Мир уже не будет прежним — настало время настоящего колдовства, и могущественные существа из страшных сказок готовятся противостоять людям... Буря, разразившаяся в ночи, уничтожила все, что было дорого. Самый близкий человек, обернувшись птицей, улетел прочь, оставив лишь страницу древнего Манускрипта.

Юной травнице Алиде предстоит долгий путь и тяжелый выбор, от которого зависит судьба всего королевства: отдать страницу волшебникам Магистрата или заключить союз с темными силами? На что она готова пойти, чтобы исполнить самое заветное желание?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108400-4

© Анастасия Андрианова, текст, 2018
© Марина Козинаки, художественное оформление, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Всем, кто верит в волшебство.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1, В КОТОРОЙ МИР РУШИТСЯ

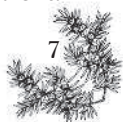
Если перед сном внимательно смотреть в ночное небо, можно непременно увидеть ведьму верхом на помеле. Алида это точно знала.

По крайней мере, верила.

Первый Волшебник собрал в горсть вышитые звезды со своей мантии и щедрой рукой рассыпал их по небу — Алида любила эту сказку. И в такие ночи, как эта, когда полог небес был сплошь унизан яркими огоньками звезд, ей особенно хотелось верить в доброго Первого Волшебника. И вообще в волшебство.

Ведьм не было видно. Должно быть, погода нелетная. Алида вздохнула и соскользнула с узкого подоконника: из ветхого окна неприятно дуло в поясницу. Она осторожно, стараясь не разбудить бабушку, спустилась на кухню и плеснула в цветастую чашку подогретого молока, щедро сдобрив его корицей. В шкафчике, как нельзя кстати, отыскались маковые сушки, Алидины любимые. Она усмехнулась про себя: бабушка не одобряла ее ночные вылазки за едой, а Алида, в свою очередь, не упускала возможности перекусить. В такие моменты, как этот, пробираясь с верхнего этажа на кухню, она воображала себя рискованной нарушительницей запретов, героиней захватывающей истории. Сказочной истории.

Думая о сказках, полных опасностей и приключений, Алида испытывала священный трепет. С того самого дня, как родители научили ее складывать буквы в слова, а слова

в предложения, она все свободные минуты проводила в компании с книгой. Сказки уводили ее в неизведанные миры, манили в головокружительные дали и завлекали в непредсказуемые приключения. Она бесконечно восхищалась смекалкой, хитростью и смелостью сказочных героев. Но сама едва не дрожала от ужаса, стоило представить себя на месте какого-нибудь книжного храбреца, попавшего в крепкий переплет. Мудрый Ульхо, портнишка-Гренгот, Сирхи Дровосек — все они выходили из самых невообразимых передраг целыми и невредимыми, да еще и с сундуками добытого добра, но Алида, упаси Всевышний, жила в тихой деревушке и всерьез считала своим самым значимым приключением поездку верхом на корове, принадлежащей тетушке Макве.

В свои шестнадцать лет она больше всего боялась быть втянутой во что-то новое, авантюрное, нарушающее привычный ход их с бабушкой жизни. Но тем не менее лелеяла мечту увидеть хоть что-то волшебное, чудесное и невероятное.

Прихлебывая молоко, Алида снова посмотрела в окно, на этот раз выходящее в сад. Темные стволы деревьев закрывали черно-синее небо, но звезды, зависшие у самого горизонта, все равно мерцали сквозь них, будто заговорщически перемигивались. В кухне стоял аромат трав, связанных в пучки и подвешенных у потолка. У Алиды с бабушкой были травы почти от всех известных хворей. Захромала лошадь? Пожалуйста, страстогор в помощь. У дитяти режутся зубки? Золотомар облегчит боль. Голову сжимают стальные обручи? Попробуйте подкрылечник, обычно помогает. Девца желает добиться внимания заезжего городского парня? Извольте, делам сердечным обычные травницы не помогут. В этом сильна только Симониса — покровительница травниц — хитрая чаровница, принимавшая в сказках облик огненно-рыжей лисицы.

Симониса была любимым сказочным героем Алиды. Она всей душой мечтала научиться так же внимательно искать и отбирать нужные травы, знать столько же древних и силь-

ных заговоров, уметь лечить все, даже разбитые сердца, зачаровывать не только здоровье, но и ловить удачу в банки, как падающие звезды, и собирать по каплям любовь.

Первый Волшебник сам расшил свою мантию серебряной ниткой, которую дала ему Царица Вода. Алида мечтала нанизывать бусины целительского мастерства на нить своей судьбы и стать такой же всезнающей и всеильной, как чаровница Симониса.

Бабушка не одобряла ее тягу ко всему сказочному и волшебному. Заговоры и целебные зелья не считались никаким волшебством. Для этого нужен дар, передающийся через поколение от бабушки к внучке. Для Алиды лечить было так же естественно, как для сына стеклодува — выдувать бутылки, как для дочери ткачихи — выплетать узоры из овечьих ниток.

Все занятия в мире испокон веков передавались от отца к сыну, от матери к дочери, от бабки к внуку, и редко какой наглец, а может, и простой бездельник, желавший потянуть время, шел обучаться к наставнику другой профессии.

Однажды пекарша захотела переманить Алиду к себе в ученицы, уж больно ей понравились ватрушки с корицей, которые пекла девочка. Но Алида не пошла. Она хотела быть великой травницей, как Симониса из сказок, и никто не смог бы ее переубедить.

«Заведут тебя твои сказочки, куда приличный человек и ступить не посмеет», — ворчала бабушка, когда Алида засиживалась с книгой допоздна, дождавшись, пока посетители, жаждущие получить целебные мази и отвары, покинут их избушку. «Набиваешь голову всякой ерундой, а потом заснуть не можешь. Сколько заговоров могла бы запомнить за это время».

Но Алида читала, мечтала, высматривала ведьм в ночном небе, выискивала фей в садах, ловила нимф в ручьях, загадывала желания на падающие звезды и присматривалась к каждой лисице, которая забредала в деревню: не превратится ли она в красивую рыжеволосую девушку с ярко-зелеными глазами?

Только участвовать во всех этих сказочных приключениях отчаянно не хотела. Попросту сказать, трусила. Алида разгрызла пятаю по счету маковую сушку и с удовольствием слизнула крошки, прилипшие к губам. В ночной рубашке было прохладно, из кухонного окна тоже поддувало. Надо вызвать Нактиса, местного стекольщика, но для этого придется подкопить монет...

Она вымыла чашку с нарисованными васильками, смахнула со скатерти крошки, скрывая следы своего ночного преступления, и, полная ощущения, что совершила что-то восхитительно дерзкое, бесшумно поднялась наверх и шмыгнула в свою комнату, в любимую кровать под теплое одеяло, набитое гусиным пухом.

Алида немного поворочалась, прокручивая в голове приятные моменты размеренно прошедшего дня, и вскоре заснула.

Ее разбудил поцелуй, нежный, но настойчивый. В сонных фантазиях живо возник образ Ханера, черноволосого смуглого конюха с неизменно ослепительной улыбкой на красивом лице. Он раз в месяц заходил к травницам за снадобьями для лошадей, и каждый его визит Алида ждала с особенным трепетом.

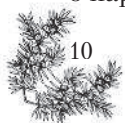
— Прекрати, скоро бабушка зайдет, — сонно пробормотала Алида и открыла глаза.

Это был отнюдь не конюх.

Лицо Алиды старательно вылизывал толстяк Мурмяуз — ее верный кот, белый и пушистый, как майское облако. Или как порция сладкой ваты от городского ярмарочного торговца — такое сравнение Алиде нравилось больше.

Смутившись, она столкнула с себя кота и наспех расчесала гнездо непослушных каштановых волос. Комнату заливал солнечный свет, и Алида переживала, что бабушка снова будет ворчать, что она столько спала.

Она натянула темно-синее платье с вышитыми птицами и оправила складки на юбке. Обувь она почти не носила и не понимала, почему все деревенские девушки так мечтают о паре новых туфель.

А вот птицы всегда были ее особенной страстью, и неважно — живые или просто вышитые на платье. Она не могла сказать, что любит больше: сказки или птиц. Все окрестные стаи знали Алиду и подолгу ждали в саду и на крыше, когда же она выйдет из дома, чтобы насыпать им зерна. Задиристые синицы, шумные воробьи, золотистые щеглы, зеленоватые овсянки, а зимой пухлые свиристели и робкие снегири брали угощение прямо из ладоней травницы, совсем не пугаясь. Алида искренне верила, что эта любовь была взаимной. Бабушка подшучивала над ученицей, говоря, что птицы принимают ее густые каштановые волосы за гнездо, и в доказательство рассказывала деревенскую байку об обезумевшей старухе Имзилир, на голове которой малиновки обустроили жилище. Алида не признавалась в этом бабушке, но она была бы совсем не против, если б в ее волосах поселилась симпатичная птичка. Желательно совенок.

Она сбегала вниз по лестнице с Мурманозом под мышкой. Бабушка, что-то бормоча, уже разливала самые ходовые настои в порционные бутылки.

— Вот и солнышко запоздалое, — не оборачиваясь, произнесла женщина. — Пороть тебя, что ли? Для дисциплины.

— Не надо, ба, — пискнула Алида, пододвигая табуретку к столешнице.

— А как еще послушанию учить? Вот я помру, а ты будешь дрыхнуть до полудня. Кто народу поможет? Кто скотину вылечит?

— Прости, ба, — ответила внучка. Она вскарабкалась на табуретку и достала с верхней полки банку муки, чтобы приготовить оладьи на завтрак.

В отличие от бабушки Стриксии, статной полнотелой женщины, чью царственную осанку, однако, успел испортить возраст, Алида была маленькой и тщедушной. На скуластом лице выделялись большие, широко распахнутые глаза необычного серо-сиреневого цвета в обрамлении густых, темных, чуть сдвинутых к переносице бровей, которые придавали ей не то обиженное, не то угрюмое выражение.

— Отец твой хотел, чтоб ты послушной стала да научилась всему, — продолжала ворчать бабушка, пока Алида бросала в тесто сочные ягоды голубики. Так вкуснее.

— Ба, да ничего он не хотел, лишь бы я не мешала ему строить карьеру да новую семью, — бросила через плечо Алида. Она не любила разговоры о родителях.

Мать сбежала от них, когда Алиде было пять: уехала с езжим городским начальником королевской канцелярии. А отец, погоревав недолго, тоже отправился в город, где нашел работу при министерстве торговли и молодую жену, оставив дочь обучаться целительскому искусству в деревне. Иногда он приезжал за Алидой и брал ее в город, в гости, но она чувствовала себя неуютно в отцовском доме. У бабушки было лучше.

Оладьи сочились маслом и голубичным соком, и Алида с наслаждением отправляла их в рот одну за другой, еще дымящиеся, обжигающие, но такие восхитительно вкусные. Дверной звонок пропел впервые за день, и она выглянула в коридор. Эх, ничего интересного, старик почтальон. Алида-то надеялась увидеть Ханера — пусть он заходил всего пару недель назад, но вдруг какая-то из его лошадей захворала, и он придет за лекарством. «Ну нет, пусть лошадки будут здоровы», — подумала Алида и, слегка разочарованная, вернулась за стол. Она привыкла заниматься чем угодно, пока бабушка принимает посетителей. Конечно, Алида помогала ей, но только по просьбам, иначе можно было огрести пучком трав по голове за то, что путаешься под ногами и лезешь с советами.

Алиде нравилось так жить. Она знала всех в деревне, и каждый житель знал и любил добрую девушку. Здесь было спокойно. Черный лес, обнимающий деревню с трех сторон, как заботливая мама-ворона своих птенцов, надежно защищал от непрошенных гостей, которые могли внести сумятицу в размеренную жизнь деревни. Каждый день был похож на предыдущий, но Алида разбавляла будни сказочными книгами и, чего таить, свежими сплетнями, которые привозили редкие городские торговцы.

С позволения бабушки Алида выскочила во двор, не забыв прихватить с собой мешочек подсолнечных семечек. Птицы уже расселись на ветках цветущих слив, будто налитые соком плоды, и радостно защебетали, едва увидав свою подругу.

— Привет, пташечки, — поздоровалась травница. Она хорошо помнила каждую птицу, что ежедневно прилетали в сад и смотрели на нее черными жемчужинами глаз. Вот семейство овсянок, в прошлом году они даже приводили на кормушку своих птенцов. Это — стайка длиннохвостых синиц, которые белыми вспышками носятся меж ветвей. Деловитые поползны и пищухи забавно снуют вертикально по стволам, сверкая белыми брюшками. Сейчас, в середине весны, птиц стало особенно много, своим гомоном они наполняют звенящий воздух, летают с дерева на дерево, добывая корм для птенцов. Алида заливисто смеялась, наблюдая за своими друзьями, и радовалась, что трясогузки, скворцы, стрижи, ласточки и иволги благополучно вернулись в свои дома.

Мурмяуз, наученный жизнью, не трогал птиц. Однажды, будучи несмышленным котенком, он получил хорошую взбучку от стаи сорок и теперь предпочитал наблюдать за пернатыми с почтительного расстояния.

— Знать бы, о чем вы чирикаете, — вздохнула она, когда овсянка опустила её на макушку и принялась деловито копошиться в волосах. — Я читала сказку, в которой волшебница понимала язык птиц. Было бы здорово научиться так же.

Весь день к бабушке ходили посетители, которые жаловались то на зубную боль, то на надоевшие мозоли, то на ломоту в суставах. Некоторые старушки просто забегали поболтать или передать гостинец в благодарность за оказанную ранее помощь. Алида без усталости бегала на огород за свежими травами, помогала готовить отвары и мази, запекала пирог со щавелем на обед и заваривала бабушке ее любимый кофе с какао и свежими сливками. Без этого напитка старая травница работать не могла.

Распрощавшись вечером с последним пациентом, которым, к досаде Алиды, оказался не белозубый конюх, а кашляющий старик Пхен, она наконец смогла перевести дух и уселась на скрипучем крыльце. Закат золотил небо над деревенскими шиферными крышами, а где-то на востоке набухла багровая туча, словно синяк на теле.

«Ночью будет дождь», — подумала Алида. Она любила засыпать под перестук капель по старой крыше, и вид умытого влагой леса по утрам непременно дарил ей отличное настроение на весь день.

— Хватит сидеть на ступенях, платье запачкаешь, — проворчала бабушка, выглянув из окна. — Шла бы ты в дом, девочка. Скоро грянет.

Алида послушалась. Они с бабушкой выпили чаю с кусочком сыра и отправились спать, каждая в свою комнату. Звезд в окне видно не было: туча затянула все небо, и первые робкие капли застучались в стекло, как напуганные птицы.

Страшный грохот разбудил Алиду среди ночи. Ветер выль в печной трубе с неистовой яростью, крыша хлопала листьями шифера, будто раненый ворон, которому никак не удавалось взлететь. Снизу послышался крик бабушки, и Алида, быстро нацепив платье, сбежала по лестнице. Сонный Мурмяуз поковылял за хозяйкой.

Ярчайшая молния вспорола небо, осветив все уголки дома и ослепляя привыкшие к темноте глаза. Алида зажмурилась.

— Они вернулись! Собирай вещи, Алида! — кричала старая травница, лихорадочно копаясь в ящиках и шкафах.

— Кто вернулся, бабушка? Что ты ищешь?

— Собирайся, я сказала! Бери обувь, травы, флягу с водой. Шевелись!

Алида, совершенно не понимая, что происходит, схватила свою гобеленовую сумочку на длинном ремешке и принялась складывать туда пучки лекарственных трав. Дом угрожающе трясся, словно ветер решил избушку подхватить, закружить в вихре и забросить куда подальше. «Как

в той сказке про девочку и щенка, которые улетели в волшебную страну», — вспомнила Алида, когда особенно сильный порыв содрал часть кровли, и холодный воздух ворвался в дом. Ей было страшно, ведь настолько жестокая буря еще ни разу не накрывала их деревеньку. И куда страшнее было видеть, как нервничает и суетится обычно спокойная и мудрая бабушка, спешно роясь во всех ящиках комодов и тумб.

Ночь сотрясали такие яростные раскаты грома, будто хотели до смерти перепугать всех жителей деревни. Снаружи доносились крики людей и треск несчастных домов, раздираемых на куски бурей. В лесу со стоном упало дерево, а молнии сверкали так часто, будто наверху кто-то чиркал отсыревшие спички, одну за другой.

— Береги это, — прохрипела бабушка, схватив Алиду за плечо. Она сунула ей в руки деревянный футляр со странной резьбой, напоминающей руны. — Отнеси его в город, передай Главе Магистрата. Смотри, ничего не напутай.

— Но что там, бабушка? Зачем мне в город? А ты разве не пойдешь? — воскликнула Алида, стараясь перекричать жуткий вой ветра. Стихия ревела, как лютый зверь. Дом мог рассыпаться на части в любой момент — ветхие перекрытия явно не были рассчитаны на такое сражение с ветром. Алида была готова расплакаться от страха и сжимала зубы, чтобы не выпустить рвущиеся из груди всхлипы. Она никогда еще не видела бабушку такой возбужденной и испуганной.

— Я не могу, — судорожно втянув воздух, ответила старая женщина. Ее руки бессильно опустились, а в тусклых глазах горело настоящее отчаяние. — Прости меня, девочка. Никому не давай это, только Главе, и постарайся не потерять. Иначе...

Бабушка не договорила. Новый порыв ветра подхватил крышу и с треском сорвал, будто осенний лист с дубовой ветви. Одна из стен не выдержала и со скорбным стоном рухнула, похоронив под собой платяной шкаф. Тело бабушки вдруг начало стремительно уменьшаться, съезживаться,

